

Ю.В. Варфоломеев

**«ТАКОВА КАРТИНА РУССКОЙ ЗАВОДСКОЙ ЖИЗНИ
КОНЦА ВЕКА...»**

(по материалам защитительных речей адвоката Н. К. Муравьева
на «рабочих» процессах конца XIX – начала XX века)

Политическая адвокатура, или, по словам присяжного поверенного О.О. Грузенберга, «политическая юстиция»¹, и, прежде всего, ее авангард – «молодая адвокатура» в освободительном движении России конца XIX–начала XX в. представляла собой заметное явление.

Внутриполитическое положение России на рубеже XIX–XX вв., характеризовавшееся массовыми аграрными беспорядками, ростом рабочего движения и появлением революционных партий, «выдвинуло, – писал И.Н. Мошинский, – перед радикальной адвокатурой, группировавшейся около Н.Д. Соколова (Санкт-Петербург. – Ю.В.) и Н.К. Муравьева (Москва. – Ю.В.), задачу построения новой обособленной от легальных советов присяжных поверенных организации политических защитников»².

Один из лидеров московского кружка политической защиты Николай Константинович Муравьев родился 21 марта 1870 г. в Москве в семье потомственных дворян. К сожалению, не поддаются научной реконструкции детские годы жизни Николая Константиновича³. После окончания гимназии в 1887 г. он поступил на медицинский факультет Московского университета. Но не закончил его, так как два раза исключался по политическим мотивам: за участие в студенческих «беспорядках» (1891) и за сношения с неблагонадежными студентами (1894). Лишь в 1896 г., сдав экстерном экзамены за полный курс юридического факультета при Казанском университете, он получил диплом о высшем образовании и в этот же год был принят в число помощников присяжных поверенных Московской судебной палаты.

Именно в Москве в начале девяностых годов XIX в. появились первые ростки консолидированных обществ молодых (не столько по возрасту, сколько по духу времени) адвокатов. «Группа молодых помощников присяжных поверенных, – отмечал И.В. Гессен, – образовала так называемый «бродячий клуб», в котором наиболее деятельную роль играли В.А. Маклаков, П.Н. Малянтович, Н.К. Муравьев и Н.В. Тесленко. Клуб назывался «бродячим», потому что не имел постоянного помещения, и заседания его происходили раз в неделю каждый раз в другой квартире»⁴. Вместе с тем, Е. И. Розенталь справедливо заметила, что молодые активисты клуба «<...> были приняты в число помощников присяжных поверенных лишь в 1895–1896 гг.»⁵, и только Малянтович несколько раньше – в 1893 г.⁶

Следовательно, будучи еще только студентами или молодыми дипломированными юристами, Малянтович, Муравьев, Маклаков и Тесленко уверенно заявили о себе в кружке радикально настроенных московских адвокатов. Вскоре после этого члены клуба вошли в состав Консультации помощников присяжных поверенных при Московском мировом съезде, «<...> в которой отныне самую влиятельную роль, – писал И.В. Гессен, – стал играть Л.С. Биск, и Консультация весьма быстро совершенно преобразилась»⁷.

¹ См.: Грузенберг О.О. Вчерашнее. Воспоминания. Париж, 1938. С. 205.

² Мошинский (Конарский) И.Н. Политическая защита в дореволюционных судах / Девятый Вал. М., 1927. С. 4–45.

³ Внучка Н.К. Муравьева Татьяна Александровна Угримова сообщила мне, что о Николае Константиновиче исследователю не удастся написать никакой картины детства, так как его отроческие годы «<...> были омрачены семейной драмой, о которой в семье не говорили никогда – вплоть до того, что ни моя мать, ни тетушка, ни их двоюродные брат и сестра очень долго не знали даже отчества своего деда – пришлось, чтобы его узнать, предпринимать библиотечные поиски. И сестра Н.К., увы, мемуаров не оставила...» (Из письма Т.А. Угримовой. Москва, 10 марта 2003 г.).

⁴ История российской адвокатуры. Т. 1: Гессен И.В. Адвокатура, общество и государство. М., 1914. С. 303. (Далее – ИРА.)

⁵ Розенталь Е.И. Московский кружок молодых адвокатов (К проблеме участия интеллигенции в освободительном движении конца XIX – XX вв.) // Тр. Государственного исторического музея: Материалы и исследования. М., 1995. Вып. 90. С. 143.

⁶ Троицкий Н.А. Судьбы российских адвокатов: биографические очерки и характеристики. Саратов, 2003. С. 115.

⁷ ИРА. Т. 1. С. 303.

Высокий политический и творческий потенциал молодых адвокатов получил еще большую возможность для своей реализации в 1898 г., когда при Консультации был создан особый Отдел уголовных защит, предназначенный для организации защит подсудимых на выездных сессиях окружного суда. Первым председателем отдела стал присяжный поверенный В.А. Федотов, а секретарем – Малянтович, вокруг которого сгруппировались его товарищи – Муравьев, Маклаков, Тесленко и М.Ф. Ходасевич. Вот как об этом вспоминает Муравьев: «Несколько молодых адвокатов, впервые в Москве, отозвались на первые такие процессы (дела по стачечному движению. – Ю.В.) и стали принимать безвозмездно защиты обвиняемых <...> Деятельность этих адвокатов приняла систематический характер»⁸. Таким образом, образовалась «московская пятерка», получившая впоследствии широкую известность благодаря успешным выступлениям на политических процессах. «Всех пятерых, – указывала Е.И. Розенталь, – связывали не только профессиональные интересы, но и дворянское происхождение, образование, воспитание, а главное – личная дружба, общие идейные устремления, убежденность в необходимости руководствоваться в своей деятельности общечеловеческими интересами»⁹.

Через некоторое время жизнь выдвинула перед кружком очередную задачу. С ростом числа рабочих беспорядков, крестьянских волнений и городских погромов расширилась и география судебных процессов, на которые выезжали члены Консультации. «Необходимость обслуживания провинции, – писал И.Н. Мошинский, – <...> побудила инициативную группу, состоявшую из П.Н. Малянтовича, Н.К. Муравьева, Ходасевича, Тесленко, Балавинского, Ордынского, Лидова и других, организовать в постоянную группу политической защиты»¹⁰. Это и положило начало деятельности объединения политической защиты, получившее впоследствии название «молодая адвокатура».

Независимо от московской группы и почти одновременно с ней, кружок политических защитников под руководством Н.Д. Соколова и А.С. Зарудного был организован и в Санкт-Петербурге. Вовсе не умаляя значения столичных «молодых адвокатов», корифей старшего поколения Н.П. Карабчевский, тем не менее, несколько выше всех политических защитников ставил по таланту «московских представителей той же политической группы в лице Тесленко, Малянтовича, Муравьева <...>»¹¹.

С развитием в России промышленности в 90-е гг. XIX столетия численно вырос и уверенно заявил о себе фабрично-заводской пролетариат. «Движение рабочих, – писал Муравьев, – вылилось в форму забастовок, так называемых стачек <...> крестьянство еще молчало <...>»¹². Причем «московская пятерка» и их коллеги выступали защитниками подсудимых по «рабочим» делам безвозмездно. Политические защитники «<...> не только не брали с обвиняемых, – вспоминал Муравьев, – обычного адвокатского гонорара, но и тратили свои деньги на поездки, на снятие копий производства по делу и, довольно часто, также на внесение залогов за обвиняемых <...>»¹³.

Именно «рабочие» процессы, такие, как «Морозовское» дело (1899), дело о беспорядках на Сормовских заводах (1900), дело о стачке рабочих на заводе Никополь-Мариупольского металлургического общества (1900), дело рабочих Брянских заводов Екатеринославской губернии (1900) стали дебютными, из более чем 117 дел¹⁴, в профессиональной деятельности лидера московской «молодой адвокатуры» Муравьева.

Одним из первых громких политических процессов с участием «московской пятерки» стало дело о беспорядках на фабрике Викулы Морозова. Судебные заседания под председательством старшего председателя Московской судебной палаты А.Н. Попова с участием сословных представителей начались 18 мая 1899 г. Обвинителем выступал товарищ прокурора палаты П.П. Добрынин. Защиту 95 рабочих, обвиняемых в беспорядках, взяли на себя московские адвокаты – Н.К. Муравьев, Н.П. Малянтович, В.А. Маклаков, Н.В. Тесленко, М.Ф. Ходасевич и Н.А. Алексеев¹⁵.

Волнения рабочих на фабрике В. Морозова в местечке Никольском Владимирской губернии начались в 10 часов утра 7 октября 1897 г. Поводом к выступлению рабочих послужили несколько причин. Во-первых, невыполнение администрацией фабрики закона от 2 ию-

⁸ Муравьев Н.К. Из автобиографии // Л.Н. Толстой и его близкие. М., 1986. С. 298.

⁹ Розенталь Е.И. Указ. соч. С. 5.

¹⁰ Мошинский (Конарский) И.Н. Указ. соч. С. 307.

¹¹ Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Ч. 2. С. 20.

¹² Муравьев Н.К. Указ. соч. С. 297.

¹³ Там же. С. 298.

¹⁴ Н.А. Троицкий указывал, что «всего в “Ориентировочном списке” политических процессов (включая религиозные и литературные) с участием Н.К. Муравьева <...> зафиксированы, при «значительном количестве» пропущенных мелких дел, 117 номеров» (Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 108).

¹⁵ См.: Право. 1899. № 22. Стб. 1148.

ня 1897 г., согласно которому продолжительность рабочего дня не должна превышать 9 часов в сутки. Во-вторых, уменьшение заработной платы в связи понижением расценок на произведенный товар. В-третьих, жалобы на приказчиков из-за неправильной приемки пряжи и расчета заработка по табелям¹⁶.

После непродолжительных переговоров с директором прядильного отделения Чарноком группа рабочих направилась к ткацкой фабрике и Никольской конторе, призывая очередную смену прекратить работу. Во второй половине дня волнения продолжились, накал страстей нарастал, возмущенная толпа достигла более 400 человек. Полицейские, пытаясь прекратить беспорядки и урезонить рабочих, начавших грабить директорский дом, произвели несколько выстрелов, одним из которых был смертельно ранен рабочий Крючков. Тем временем помимо директорского дома были разграблены и подожжены еще несколько домов руководства фабрики. Только во втором часу ночи беспорядки окончательно прекратились, и лишь к утру прибыли воинские подразделения и владимирский вице-губернатор. По оценке директора прядильной фабрики действиями забастовщиков был нанесен общий материальный ущерб более чем на 58 тысяч рублей¹⁷.

На суде в своей речи адвокат Н.К. Муравьев остановился на выяснении вопроса, насколько основательны и справедливы были жалобы рабочих, вызвавшие забастовку 7 октября. Защитник, не разделяя оптимистические взгляды инспекции на порядки, царившие на фабрике, находил жалобы рабочих вполне обоснованными. Кроме того, сделав сравнительный анализ расценок двух фабрик – Саввы Морозова и Викулы Морозова, Николай Константинович пришел к выводу о справедливости жалоб стачечников и доказал, что подобные расценки также дали серьезный повод к возмущению рабочих. Наряду с фактами, подтверждающими основательность требований забастовщиков, Муравьев указал и на злоупотребления администрации, о которых говорили свидетели. Защитник также доказывал невозможность для рабочих улучшить свое положение путем подачи отдельных жалоб и сделал смелый вывод о том, что только в забастовке, в массовом обращении к властям и к хозяину фабрики рабочие видели решение своих проблем. Итогом процесса явилось то, что из 95 подсудимых 37 человек были оправданы, один приговорен на 2 года в исправительное арестантское отделение, остальные – к различным срокам ареста¹⁸.

В мае 1899 г. весьма схожие события потрясли Брянские заводы Екатеринославской губернии. На Брянский завод и на еврейское население заводского поселка обрушилось негодование разбушевавшейся рабочей массы. «Вспышка народного гнева», – метко обозначил эти события Муравьев.

Так же, как и в предыдущем случае, лидер московской «молодой адвокатуры» стал искать ключ к выяснению причин драматических событий в условиях «жизни рабочего, как всегда, когда заколышется масса <...>»¹⁹. Свой подход к подобному образу защиты адвокат мотивировал тем, что «в такие минуты обнажается народное сердце. Обычно спокойная масса (рабочих. – Ю. В.) теряет свою будничную сдержанность и поддается порыву, тем скрытым побуждениям, которые где-то глубоко тлеют в ней в обычное время»²⁰. В поисках ответа на вопрос, почему тлеющие угли рабочего недовольства разгорелись в бушующий пожар беспорядков, когда толпа, «<...> как раненый зверь, – по образному выражению Н. К. Муравьева, – стала метаться из стороны в сторону, иступленная видом трупа зверски убитого товарища»²¹, защитник вновь, как и в «морозовском» деле, обратился к раскрытию условий труда и жизни рабочих на Брянских заводах.

Заслугой Муравьева на этом процессе, безусловно, является то, что он смог через описание внешнего облика завода и порядков, царивших за его неприступными стенами, ярко и убедительно раскрыть жизненный строй заводской жизни. Он нашел удачное сравнение завода с «громადной крепостью», «феодалным замком» и, подчеркивая явный анахронизм этого явления, восклицал: «Настала эра мирного промышленного развития, а перед нами община военно-промышленного типа...»²². Хозяин завода, или, в муравьевской интерпретации, – «владелец феодального замка», видел в рабочих своих врагов, отсюда объясним и неприступный вид «заводской крепости», и становилось понятно, откуда исходила сила, которая, по выражению адвоката, «сковала железным кольцом рабочих»²³.

¹⁶ Там же. Стб. 1151.

¹⁷ Там же. Стб. 1148–1151.

¹⁸ Там же. Стб. 1156–1158.

¹⁹ *Муравьев Н.К.* Речь. Рукопись. Л. 1 (Из семейного архива А.Г. Волкова).

²⁰ Там же.

²¹ *Муравьев Н.К.* Речь. Рукопись Л. 10.

²² Там же. Л. 2.

²³ Там же.

От окружающего мира рабочих отделяли крепкие стены и сторожевые башни. Заводская администрация была полновластным вершителем судеб рабочих. Не случайно инженер Кох сам называл себя «земским начальником». Высшая администрация предприятия была и единственным законодателем в стенах завода, а те, кто не хотел подчиняться конторскому произволу, получал фактически нереализуемое право обратиться в Петербургский окружной суд, в то время как иски рабочих в местном суде встречались с неизменным отводом²⁴. Все эти факты позволили Муравьеву сделать вывод о том, что «завод представлял из себя самодовлеющее целое, своего рода небольшую деспотию восточного типа, нечто вроде государства в государстве»²⁵.

Даже сам факт того, что участники беспорядков предстали перед «судом государственным», а «не перед судом конторской расправы и не перед судом «инстанции справедливости»»²⁶ (этакого подобия «Сената», созданного заводской администрацией²⁷) Николай Константинович считал очень важным и необходимым, так как теперь от правосудия «не ускользнут их (рабочих. – Ю. В.) страдания и который отнесется к ним со всей глубиной человеческого милосердия»²⁸. В заключение речи Н.К. Муравьев просил полного оправдания своих подзащитных.

В августе 1900 г. адвокат Муравьев выступил защитником сормовских рабочих Балахинского уезда Нижегородской губернии, участвовавших в стачке, вызванной задержкой выдачи заработной платы и рядом злоупотреблений администрации фабрики. Выступление забастовщиков, так же как и в предыдущем случае, сопровождалось разгромом директорской квартиры, погромами в заводской конторе, канцелярии полицейского пристава, повреждением оборудования электростанции и ряда цехов. В беспорядках 24 июля 1899 г. участвовало около 1000 человек, но к судебной ответственности были привлечены 16 наиболее активных участников волнений.

Как отмечала Т.А. Угримова, «дело сормовских рабочих 1899 года – не только одно из первых (№ 9), но и одно из самых характерных рабочих процессов «*Ориентировочного списка*». И речь Н.К. (Муравьева. – Ю.В.) на этом процессе характерна для его «стиля защиты» – тщательнейшего, кропотливого изучения всех сторон заводской жизни защищаемых рабочих. А кажущаяся перегруженность подробностями и цифрами составляет поистине, как он сам, об этом говорит, «картину русской заводской жизни начала века...»²⁹.

23 августа 1900 г. Особое присутствие Московской судебной палаты, так же, как и на «морозовском» процессе, под председательством А.Н. Попова приступило к разбирательству дела о беспорядках рабочих на заводах акционерного общества «Сормово». Защищали обвиняемых московские адвокаты Н.К. Муравьев и П.Н. Малянтович, а также их нижегородские коллеги – Е.М. Ещин и Д.В. Серебровский³⁰. Задача политических защитников состояла в том, чтобы «вывести» обвиняемых из-под статьи 269, инкриминирующей им такие тяжкие преступления, как угроза порядку управления, сопротивление правительственным распоряжениям, неповиновение властям.

В ходе судебного заседания адвокаты уделили большое внимание детальному допросу свидетелей с целью глубокого выяснения существа дела. В своей защитительной речи Н.К. Муравьев опровергал наличие «скопища», раскрывал тяжелые условия труда рабочих. На многочисленных фактах с цифрами в руках адвокат сделал вывод: «<...> благоденствовал завод, преуспевали пайщики, теряла последние гроши рабочая масса»³¹. Вместе с тем, защитник аргументированно указал на то, что обвинение не смогло доказать связь между недоброжелательством рабочих и преступными формами, в которые вылились июльские события³². И заключительным аккордом защитительной речи Муравьева стали проникновенные слова, обращенные и к судьям, и ко всем присутствующим: «Им (рабочим. – Ю.В.), бесправным, если не юридически, то фактически, в избытке было даровано одно право – право на труд. Они понимали его как обязанность трудиться. Но в праве труда – праве его на вознаграждение – им было отказано... Они хотели работать и жить... За это ли их обвините?!»³³. Усилия защиты увенчались неплохим в данной ситуации результатом: 6 рабочих были оправданы, остальные приговорены к небольшим срокам ареста.

²⁴ Там же. Л. 4.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 10.

²⁷ Там же. Л. 4.

²⁸ Там же. Л. 10.

²⁹ Угримова Т.А. Рукопись. С. 76.

³⁰ См.: Право. 1900. № 35. Стб. 1718.

³¹ Н.К. Муравьев. Речь. Рукопись. Л. 81.

³² Там же. Л. 83.

³³ Там же.

Через 2 месяца после «сормовского» процесса – 28 октября 1900 г. – состоялся очередной «рабочий» процесс Муравьева. На этот раз он защищал 9 рабочих завода Никополь-Мариупольского металлургического Общества на выездной сессии Таганрогского окружного суда в Мариуполе. Их обвиняли в том, что они «<...> по стачке между собою и с другими рабочими в количестве более 100 человек, прекратили работы, причем посредством просьб и угроз побудили и других рабочих примкнуть к этой стачке, т.е. в преступлении, предусмотренном 1358¹ ст. Улож. о наказ»³⁴.

Одной из основных причин рабочих волнений и на этот раз было требование повышения заработной платы. Хотя Н. К. Муравьев был только одним защитником на процессе, тем не менее ему удалось опровергнуть положения обвинения и добиться оправдания всех подсудимых³⁵.

Заметное место среди «рабочих» процессов в «послужном» списке адвоката Муравьева занимает дело о забастовке на Барановской мануфактуре. Особенность его в том, что на защиту рабочих, обвинявшихся в беспорядках на фабрике А.И. Баранова, московская «молодая адвокатура» бросила, как вспоминал М.Л. Мандельштам, «лучшие силы», поддержанные «<...> стареющим львом адвокатуры Ф.Н. Плевако»³⁶.

Сотрудничество корифея «первого призыва»³⁷ российской адвокатуры с «московской пятеркой», безусловно, поднимало общественное значение и упрочивало их профессиональную репутацию. С другой стороны, и «митрополит адвокатуры» ко времени сближения с ними «<...> стал тяготиться, – как правильно подметил Муравьев, – окружавшими его представителями правых течений в адвокатуре, присваивавших его себе, и стремительно пошел навстречу нам («молодой адвокатуре». – Ю. В.)»³⁸. Русский Цицерон высоко ценил талантливую московскую молодежь адвокатского сословия: «По деловым отношениям ближе всех к Ф.Н. Плевако был В.А. Маклаков. Большое уважение внушал Ф.Н. Плевако всегда импонировавший всем его знавшим Н.В. Тесленко. С наибольшей лаской, нежностью и любовью, – вспоминал Муравьев, – он относился ко мне»³⁹. Вместе с Плевако помимо Муравьева, Маклакова и Тесленко в защите участвовали Мандельштам и А.Ф. Стааль.

В ходе забастовки на фабрике А. Баранова в июле 1904 г. рабочие выдвинули, прежде всего, экономические требования. Основной причиной их недовольства послужили измененные правила найма на работу. Администрация завода объявила, что те, кто не согласится с новыми условиями и не выйдет на работу, будут уволены. В ответ на жесткие меры и ультимативные требования фабричного руководства рабочие стали собираться на сходки, на которых обсуждали создавшееся положение. Накал страстей возрастал, и возбужденные слухами о возможном увольнении рабочие перешли к насильственным действиям – стали громить фабричное имущество. Вызванные заводской администрацией силы порядка усмирили стачечников, арестовали наиболее активных участников беспорядков и предали их суду.

По сложившейся уже традиции Николай Константинович аргументированно говорил на суде о тяжелом положении рабочих, их непосильной работе, о нищенской оплате труда. Вместе с Мандельштамом он доказывал, что «<...> желание рабочих вырваться из этой каторжной обстановки, если не разбить свои цепи, то, по крайней мере, ослабить их, – вполне естественно»⁴⁰. Здесь же они утверждали, что забастовка – не что иное, как один из методов борьбы рабочих за свои права, причем средства допустимого и совершенно законного во всех цивилизованных странах⁴¹.

Важной заслугой адвоката Муравьева на этом процессе можно считать проникновение в суть конфликта, послужившего первопричиной беспорядков. С обоснованной уверенностью он утверждал: «Я докажу вам с безусловной, как мне кажется, очевидностью, что именно в условиях фабричных распорядков на фабрике Асафа Ивановича Баранова и следует искать первоисточник (подчеркнуто мною. – Ю.В.) не только общего характера происшедшего 22 июля, но и малейших деталей развернувшейся перед нами картины»⁴². Речи Н.К. Муравьева и его коллег произвели большое впечатление на подсудимых и публику, присутствующую в зале суда. Рабочие, еще не знавшие митингов, «первые увидели людей, – вспоминал М.Л. Мандельштам, – смело и открыто отстаивающих их права и интересы»⁴³.

³⁴ Право. 1900. № 46. Стб. 2192.

³⁵ Там же. Стб. 2194.

³⁶ Мандельштам М.Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 101.

³⁷ Это определение первому поколению российских адвокатов дал профессор Н.А. Троицкий.

³⁸ Муравьев Н.К. Из автобиографии. С. 299.

³⁹ Цит. по: Розенталь Е.И. Указ. соч. С. 145–146.

⁴⁰ Мандельштам М.Л. Указ. соч. С. 103.

⁴¹ Там же.

⁴² Муравьев Н.К. Речь в защиту рабочих фабрики Асафа Баранова. Рукопись (Из семейного архива А.Г. Волкова).

⁴³ Мандельштам М. Л. Указ. соч. С. 104.

Неразвитое политическое сознание подзащитных рабочих на этом процессе поразило «молодых адвокатов». Муравьев и его коллеги, конечно, понимали, что пролетариат текстильной отрасли, в силу объективных причин, заметно уступал по уровню революционности «металлистам» и «железнодорожникам», и наверно, поэтому адвокаты, наряду со своей основной работой, брали на себя и несвойственную им, на первый взгляд, функцию политпросвещения. Бывая на различных «рабочих» и «крестьянских» процессах во всех уголках страны, политические защитники, как никто другой, проникали в суть конфликта между трудом и капиталом, хорошо знали характерные черты и особенности освободительного движения того времени. Общаясь с подсудимыми и до, и во время, и после процесса, адвокаты указывали рабочим на их ошибки, разъясняли им общие цели и задачи политической и экономической борьбы рабочего класса. Но особенно сильное впечатление у своих подзащитных «молодые адвокаты» оставляли смелыми защитительными речами. Тем самым они преподносили рабочим в зале суда урок политграмоты и выводили их за стены фабричного двора в общий поток освободительного движения России.

Через все рабочие процессы красной нитью проходит позиция московской «молодой адвокатуры» и их лидера Н.К. Муравьева, сформулированная им на одном из «рабочих» процессов: «Капитал владеет миром, царит во вселенной, но пусть не будет ему места здесь, в зале суда, пусть разобьется его меч перед вашим судейским столом»⁴⁴.

Таким образом, московский кружок «молодой адвокатуры» возник на рубеже XIX–XX вв. «<...> как ответ на «социальный заказ», – вспоминал их лидер Муравьев, – предъявленный к тогдашней адвокатуре новыми, выдвинувшимися в то время на авансцену истории общественными слоями рабочей и крестьянской массы»⁴⁵. Деятельность политических защитников носила не только правовой характер, но и вливалась мощным потоком в освободительное движение России. Много лет спустя, вспоминая об этом, П. Н. Малянтович справедливо сказал о своих соратниках – «молодых адвокатах»: «Они сознательно поддерживали революцию»⁴⁶.

⁴⁴ *Муравьев Н.К.* Речь. Рукопись. Л. 1.

⁴⁵ *Он же.* Из автобиографии. С. 299.

⁴⁶ Цит. по: *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 117.